

Разумова (ур. Шалтанис) Регина Петровна

На память моим внукам и правнукам

Прошу хранить, помнить и знать (в будущем свою родословную продолжать).

Я родилась в семье так называемых по тому времени «кулаков» 14 ноября (по старому стилю) 1925 года в селе Большие Кулики Новосибирской области. Родители мои происходят от литовцев-переселенцев из Литвы, предположительно местечко Шауляй. Мой дед Казимир Казимирович Шалтанис, бабушка Настасья Устиновна. Я ее помню крупной, выше среднего роста, красивой, очень властной женщиной, все ее распоряжения всегда выполнялись. Все внуки звали ее ласково бабуничкой. Родители ее переехали в Сибирь в конце 19 в., точно не знаю. Она много нам рассказывала о жизни в Литве. Ее привезли в Сибирь примерно в то же время, что и дедушку по распоряжению русского

царя. Ей было тогда 15 лет. Ехали на перекладных лошадях все лето. Она нам рассказала интересный эпизод из дорожного путешествия. Когда проезжали через Москву, нужно было запастись водой и самим хорошо напиться. В то время в Москве уже были водоклонки, т.е. был водопровод. Их подвода подъехала к одной из колонок, которая изображала старца, а при открывании крана вода текла из его рта, бабушка была брезгливой и пить эту воду отказалась. Пришлось спускаться к Москва-реке и набирать там воду, она, по-видимому, была там тогда чистая. Из всех детей к тому времени умерла только Анюта после рождения ребенка. Как рассказывала бабушка, у нее сильно болела голова. Бабушка очень ее жалела, и говорила, что в больнице ей стали делать уколы и поэтому так все и произошло. Остальные дети (6 человек) жили в деревне Дерешево со своими семьями в небольших деревянных избах, которые строились за одно лето без всяких механических приспособлений. Леса была достаточно любых пород: сосна, кедр, ель, береза, осина.

Все семьи, кроме нашей были ссыльные и состояли на учете в комендатуре в деревне Нижняя Таванга. Бабушка носила темные одежды, широкие и длинные юбки с карманами, в которых всегда были гостинцы для внуков, особенно карамельки-леденцы монпансье. По несколько штук она одаривала нас при ее посещении. У бабушки было плохое зрение, началась катаракта. В одну из зим на лошадях мой отец возил ее в ближайший от нас город на операцию глаз (кажется город Каинск, потом стал называться Куйбышев, около станции Барабинск). После этого она стала лучше видеть, очень была благодарна за это своему сыночку Петеньке.

Бабуничка была католической веры и нас приучала к чтению молитв. В семье в основном разговаривали по-литовски. Молились тоже по-литовски, были небольшие литовские библии. Крестились всей ладонью, вначале делали крест на левое плечо. Покойникам на могилы ставились высокие деревянные кресты с поперечной переключиной под 90 градусов. Не

разрешалось жениться и выходить замуж за русских, или не католической веры.

Дед был среднего роста, темноволосый, щупленький, степенный добрый, внимательный. Очень любил своих детей и внуков. Я хорошо помню, что последние годы своей жизни он почему-то жил в нашей семье. Умер на единственной деревянной кровати примерно в 1934-1935 гг. Похоронен на кладбище в деревне Дерешево. Кладбище расположено на холме, недалеко от реки Нижняя Тавонга. Дед с сыновьями: Иваном, Иосифом, Станиславом, Петром занимались сельским хозяйством, имели небольшой кожевенный завод, на подворье держали несколько лошадей, коров, овец, свиней, было много гусей, кур, уток. У папы были еще сестры: Мария, Анна, Юлия. Все мои дяди и тети по отцовской линии были порядочные люди, в дальнейшем у всех были большие семьи. Не помню, чтобы кто-то ленился работать или пьянствовал. Старшим братом в семье был Иван, он был уже женат, когда женился мой отец. Жена Ивана – Маня, была красивой, голубоглазой, полячка из семьи Тихоновских. Она была женщиной своенравной, тем более старшая сноха в доме, подчиняла себе всех остальных, кроме свекрови, которую она побаивалась. Сестры Анна и Мария имели свои семьи и жили в других селах. Иосиф и Станислав при женитьбе моего отца были еще не женаты. Интересно, что Иосиф был старше отца на 4-5 лет, а женился в 36 лет на 18-ти летней Екатерине. Он ее очень любил и уважал, требовал от окружающих того же. От тяжелой и грубой работы она была освобождена, занималась больше по дому, кухней, рукоделием. Семья Шалтанис была большая, все жили вместе в селе Большие Кулики в большом пятистенном доме, хорошие сени, большой двор, баня, изба во дворе для наемных работников. В общей сложности семья была более 10 человек. По рассказам мамы жили дружно, уважали старших, работа была распределена между взрослыми членами семьи. Церквей в деревне после революции уже не было, но люди чтили религиозные праздники и отмечали их. Совершенно не было пьяниц, не знали, что где-то есть водка, но делали домашнее пиво из хлебного сусла,

очень вкусное. Готовили кулагу, что-то наподобие повидла, добавляли в нее разные ягоды. Было вкусно и питательно. Не помню никаких семейных ссор, а тем более драк. Женщин мужа уважали, советовались с ними. Никаких грубых слов и мата дети не слышали. Когда приходили к бабушке ее дети и мы внуки, то при приветствии целовали ей руку. У каждого неженатого брата и у сестры были отдельные комнаты. Мебель в доме была скромная, но было много цветов, особенно фикусов. Одевались в одежду из домотканых тканей из льна и шерсти. Лен сеяли, после уборки обрабатывали его до пряжи, ткали на самодельных станках, которые назывались кроснами, ткани. Ткани были с различными рисунками, в зависимости для какой одежды предназначались. В таких льняных платьях я ходила в школу, пока мне не купили пионерский костюмчик из синего сатина, чему я была очень рада. Из овечьей шерсти также ткали ткани, иногда ткали комбинированные ткани: шерсть со льном. Я хорошо помню, из шерстяной ткани такого изготовления шили осенне-весеннее пальто, тогда называли зипун. Оно напоминало очень широкий халат без пуговиц, полы заходили глубоко одна за другую, а вместо пояса вытканые шириной 20-25 см «опояски» из шерстяной пряжи разной расцветки с красивым рисунком, оканчивающимися бахромой из этой же пряжи. Из изготовленных своим трудом кож делали обувь: сапоги, башмаки, «чарки» (типа глубоких калош и к ним пришивали холстяные, т.е. из ткани голенища). Кожи выделывали не только для себя, но и на продажу. Сапожным делом занимался Иосиф (Юзя).

После рождения одного-двух детей в каждой семье, дед и бабушка выделяли часть хозяйства и строили совместными усилиями добротный дом. Таким образом, и нам был выстроен деревянный пятистенный дом с надворными постройками на краю села. Мой отец – Шалтанис Петр Казимирович родился в 1900 году. Мама Линовская Юлия Марцияновна, родилась в 1905 году. Мама - уроженка села Ёзес, Венгеровского района Новосибирской области. Её отец Линовский Марциян Марциянович знал польский, литовский, русский языки. Я его почти не знала, видела всего

раза 2-3. Он был высокого роста, голубоглазый. Обладал чувством юмора, много шутил.

Мама осталась старшей из детей в возрасте 14 лет, когда умерла ее мать. Всего было пять детей. Когда отец женился вторично, появилось еще трое детей. Дети начинали трудиться в раннем возрасте, так как мама была самой старшей, то больший объем работы доставался именно ей. Было очень трудно.

Семья деда по материнской линии была раскулачена где-то в 1929-1930 гг и выслана в тайгу за Васюганские болота (примерно расположены на границе Новосибирской и Томской областей), ширина 50-60 км, длина 800-1000 км. Летом сообщение в тех краях было по рекам на лодках, а зимой по льду рек на лошадях. В Пудинском районе река Чузик, на лодках можно добраться до реки Парабель – приток Оби. Село тоже Парабель – районный центр и пристань. Из Парабели дальше можно доехать по рекам Томь и Обь до Томска и Новосибирска. Железнодорожного транспорта там до сих пор нет, из-за болот, которые нельзя осушать, т. к. погибнут реки, которых там множество больших и малых. В настоящее время есть еще сообщение самолетами и вертолетами.

Вторая жена деда умерла в ссылке, не выдержав трудностей, а дед и постепенно дети один по одному с помощью моих родителей выбрались с места ссылки. Некоторых из них впоследствии забрали на войну, там они и погибли. У нас скрывались мамин брат Виктор и сестра Валя (родные по отцу). Их вывезла мама с окраины Васюганских болот. Они самовольно ушли из ссылки. Мама, рискуя своей репутацией, ночью на лошади ехала, чтобы забрать брата с сестрой к себе. Вале было лет 15-16, а Виктору – лет 13. Все лето они прятались у нас, или на палатках, или в недостроенных комнатах нашего дома. Пока еще органы НКВД не очень следили за нашей семьей. Соседям мама говорила, что приехали родственники погостить и помочь по хозяйству.

Я помню маму красивой, статной, лицо приятное с красивым носиком и всегда румяными щеками. Мама мало училась, всего 2-3 года

церковно-приходской русской школы, но отличалась смышленостью, умела хорошо говорить по-русски, и по-литовски (это я помню с детства). Мама была вспыльчива, не терпела несправедливости, но и обладала дипломатией, где это было необходимо. Мама с детьми, то есть с нами, была не особенно нежной, не обнимала нас, не ласкала без особого повода, только когда мы болели или происходило что-нибудь плохое. Да и некогда было нежить детей при той тяжелой жизни. Очевидно, некоторые черты характера я унаследовала от мамы. Я, к сожалению, тоже не очень ласковая и нежная (очень, конечно, сожалею об этом.) Очевидно, воспитание и жизнь в семье оставляют след на всю последующую жизнь. Сожалею, что я была недостаточно нежна и внимательна со своей мамой, будучи уже взрослой, хотя я ее не обижала, когда мы жили вместе. Замуж мама вышла в 19 лет, а в 20 лет у нее родилась я. Было у меня два брата Виктор 1927 г.р. и Апполинарий 1930 г.р. и две сестры Валя 1935 г.р. и Альбина 1937 г.р. Брат Виктор умер еще в детстве. Мой отец имел

начальное образование. Еще до женитьбы на маме, он служил в штабе

генерала Колчака.

Шалтанис Петр Казимирович. Фото: ок. 1918 г.

Он был среднего роста, темный шатен, сероглазый. Любил шутки, уважительно относился к своим родителям и всем родственникам. Здоровье у него было хорошее, курил махорку, выпивал очень редко, только в праздники, матом никогда не ругался. Любил своих детей и племянников. Он работал единоличником, не состоял ни в бригадах, ни в колхозе. Трудился очень много. Летом разрабатывал участки тайги от леса. У нас была лошадь с упряжью, плуг, борона, приспособления для уборки зерновых культур. Большие площади засаживали картофелем. Урожаи были отличные. Зимой отец подрабатывал извозом, доставлял продукты в сельпо из райцентра на собственной лошади. Получал за это небольшую зарплату. По договорам с заготовителями занимался заготовкой орех кедровых, грибов, ягод, особенно брусники и клюквы, которых в нашей

местности было очень много. В хозяйстве была одна корова, несколько поросят, овцы, 1-2 бычка или телочки, птица. Отец был очень общительный, его любили люди. Мужчины частенько собирались в нашей избе и балагурили до поздней ночи при свете керосиновой лампы. Отец приносил ведро орех, а утром выносил столько же скорлупы. На зиму обычно стояли в сарае 2-3 ларя (большие деревянные ящики), заполненные орехами, брусникой, клюквой. Солили грибы в больших бочках, а также сушили.

Наш дом не был полностью отстроен, мы жили в одной большой комнате примерно 35-40 кв.м. с большой русской печью и палатами (типа антресоли), где обычно спали дети, кроме самых маленьких, которые спали в зыбках. Из мебели были большой деревянный стол, около него у стены лавка, которая продолжалась в куть (типа кухни), табуретки. На стенах были полки разных размеров. На них ставилась посуда и вся кухонная утварь. Было четыре окна, но почему-то без двойных рам, очевидно, не хватило стекла. Зимой нижнюю половину окон закрывали тканевыми полотнищами, чтобы не дуло. К весне, когда телилась корова и появлялся теленок, или появлялись ягнята - все они селились в избу около двери, на пол стелили солому или опилки, которые ежедневно меняли. Под деревянной высокой кроватью жили куры, которые в марте уже начинали нестись. Живность помещалась в избе, так как на улице было очень холодно, градусов 40-45. На улице оставались лишь крупные животные и собака, наша охрана. Изба была покрыта пластами дерновой земли, и со временем на крыше стала расти трава. Сени еще не успели построить, но с одной стороны, там, где открывались двери, была крыша и стены для защиты от ветра. А под крышей - сарайчики для домашних животных. Двор был соток 4-5 и огорожен горбылем. Дальше усадьба продолжалась огородом. Он был примерно соток 30-50. Картофеля собирали ведер 300-500. Хранили его в подполе и в глубоком погребе.

Зимы были очень холодные, птички маленькие замерзали на лету. Мы дети часто обмораживали носы и щеки, а иногда и колени, когда шли в

школу. Игрушек у детей почти не было, только самодельные, сшитые из тряпок. Книг тоже не было. В школе была маленькая библиотека, кто любил читать, брали книги у учителей. Читали иногда при свете горящих поленьев в печи. Девочки, как и взрослые женщины, занимались по вечерам пряжей льна и шерсти, а так же вязанием. Я научилась вязать с 8 лет, вязала себе перчатки, носки, чулки, младшим детям вязала варежки. Играли дети мало, в основном работали по мере своих сил. Всем, даже 5-6 летним были распределены свои обязанности, никто не перечил старшим. Зимой катались на санках с горы-холма, санки и лыжи были самодельные. Весной ходили в лес за черемшой, медуницами, позднее за саранками. Летом у детей было много работы на огороде. Кормили цыплят, носили и возили воду, собирали ягоды и грибы. Тайга прямо за огородом, очень много было летом комаров, мошек. Донимали они и людей и животных. От них мазались дегтем с жиром и надевали на голову сетки, особенно когда уходили подальше в тайгу. В избах летом было много мух, так как скотина рядом, окна и двери открыты. От мух ставили настои грибов мухоморов.

Несмотря на работу, конечно, дети оставались детьми. Были веселыми, общительными. Бегали купаться на речку, которая протекала рядом. Там был омут, на нем - мельница. Помню день 19 сентября 1930 г. Было пасмурно и ветрено. В середине дня меня, пятилетнего ребенка, отправили погулять на улицу, идти никуда не хотелось, мое детское предчувствие ожидало чего-то необычного. Я забралась на деревянный забор и выражала свой протест ревом. Через некоторое время ко мне подошла какая-то женщина и повела домой. В избе мне показали маленького краснолицего младенца и сказали, что это мой брат. Мама же лежала на кровати и улыбалась. Так появился Апполинарий (Толя).

Примерно с этого время и до мая 1931 года нас часто начали посещать люди из местных органов власти. Предложили добровольно сдать лошадь и скот. Мама оказывалась сдать добровольно, начали уводить силой. Пригрозили, что нас скоро выселят из дома как кулаков. Валю с Витей пришлось переправить в другую деревню к родственникам.

Советские органы обещание выполнили – выселили нас из нашего дома. Погрузили на лошадиную подводу (мы были не одни такие) и под конвоем отправили до ближайшей железнодорожной станции Барабинск. Это помню особенно, когда нас всех высадили из подвод под открытое небо на привокзальную площадь и загородили колючей проволокой, охраняли нас вооруженные люди. Мама была одета как цыганка в несколько дорогих самых лучших юбок, потому что могли отобрать все вещи, оставили только детское белье. Толе было 8 неполных месяцев, мне 5, 5 лет, брату Вите 3 года. Как-то мамина двоюродная сестра, проживающая в Барабинске, узнала, что мы находимся в числе выселенных, и пришла нас навестить. Общались через проволоку, какие-то продукты передала и просила, чтобы забрать меня как-нибудь украдкой, но мама не согласилась, так как неизвестно было, куда и когда нас будут отправлять.. На наше счастье стояла хорошая погода (середина, конец мая – начало июня), а вот, как и чем нас мама кормила я не помню. Держали нас там дней 10-12. Начальство решало, куда и кого распределить. Семьи дяди Ивана, Иосифа, Ивана Верниковского, Скукиных были отправлены на год раньше нас и уже находились по месту ссылки. Так как глава нашей семьи был в это время в трудармии, то было принято решение вернуть нас обратно. Ехали обратно опять на подводе, одну ночь ночевали в лесу, в шалаше. Когда вернулись, жить нам было негде. Поселили нас в какую-то избушку. Как бы летнюю кухню, метров 8-10. Мама пригласила к нам пожить сестру Валю, чтобы она помогала с детьми. Люди приносили нам муку, крупу, овощи. У знакомых оставался наш поросенок, к осени мама его отправила на мясо. Отца освободили из трудармии, но он даже не захотел приехать в родную деревню, договорился со знакомыми, чтобы нас перевезли в город Каинск (ныне Куйбышев, Новосибирской области), где он снял полдома для проживания. Дом принадлежал еврейской семье, из которой здесь жили только брат с сестрой. Позже и они уехали, а ту часть дома заняли квартиранты. Так мы жили года два. Летом приезжали гости, было весело, особенно для нас детей. У меня появилась подружка из еврейской семьи,

которая жила напротив, ее звали Ривва. Я часто у них бывала, дом у них был большой. Летом со взрослыми ходили на речку купаться. Помню такой случай: одна из девочек быстро бросилась в реку с берега, а там оказалась яма, она, по-видимому, испугалась и пошла ко дну. Все дети растерялись, но на берегу был парень постарше, который бросился в воду и вытащил ее. А еще помню: у девушки, хозяйки нашей квартиры, болели ноги, она всегда ходила в чулках. Говорила, что ничто не помогает. Мама попросила показать ей ноги и сказала, что сделает мазь своего состава. Эта мазь вылечила ноги. Маму очень благодарили и даже не стали брать денег за квартиру.

Поздней осенью, ближе к зиме приехали братья отца и стали уговаривать родителей переехать к ним на постоянное место жительства. Ссылаясь на то, что вы здесь одни, а будем все вместе. Родители согласились, хотя мама была не особенно рада этому переезду. Пожиток у нас было немного и в эту же зиму 1933 года мы тронулись в путь на лошадях, в закрытых коробах, закутанные в одеяла. Ехали с ночевками от одного населенного пункта до другого. Приехали в семью Ивана, старшего брата отца. Изба была большая, всего одна комната с русской печью и палатами. Вместо кроватей – нары. Всего нас оказалось в этом жилище 21 человек, из них 12 детей разного возраста. Так вместе мы прожили около одного года, а летом стали строить сразу три избы: нам, дяде Иосифу и дедушке с бабушкой и младшим их сыном Стасей. За лето почти все построили. Мы переехали в свою избу поздней осенью. Школа находилась в 3 км от нашей деревни в Нижней Тавонге. Никто нас не провожал и не встречал. Однажды зимой я обморозила себе лицо и коленки. Папа оттирал меня снегом и поил чаем. В этой школе я закончила третий класс и нам сообщили, что четвертого класса не будет. Родители решили, что я буду учиться в деревне Верхняя Тавонга. Это примерно за 25-30 км. Пришлось до 1 сентября договариваться с проживанием там. Хозяева были приличные люди: муж, жена и две девочки моего возраста. Старшую девочку звали Дуся, а младшую Зина. Еще на квартиру взяли

мальчика Илюшу Хохрякова из нашей же школы. Девочки спали на палатках, а Илюша за русской печью в закутке. Для обогрева в избе стояла железная печь. Когда было холодно и дома не было взрослых и Илюши, то мы девчонки становились около горячей печки, поднимая подошвы платьев, чтобы погреться. Однажды Зина, стоя у печки, прикоснулась к ней животом и обожглась. Пришлось некоторое время даже не ходить в школу. Ребятишки в школе, узнав, что произошло потом дразнили Зину «жареный живот». С осени, когда еще не было снега мы добирались один раз в 2-3 недели домой на выходные на попутных подводах и пешком. Весной особенно хотелось домой, особенно в праздники. Помню такой случай: перед пасхой в субботу нас с уроков распустили пораньше и несколько детей в том числе и я решили идти домой пешком по грязи и слякоти. Домой я пришла уже затемно, родители и не ждали, вся мокрая и грязная. На ногах была самодельная кожаная обувь, которая конечно промокла. Меня отмыли, накормили и отправили отогреваться на печь. Пробыла дома дней 8-10. Это были весенние каникулы, а потом опять пешком в школу на занятия.

Так мы жили довольно благополучно и сытно до июля 1937 года. За этот период у меня родились две сестрички. Летом 1937 г случилось большое горе для всех наших родственников. В одну из ночей приехали 3-4 человека в форме НКВД в нашу семью, а потом в семьи других братьев Шалтанис. Произвели обыски и забрали наших отцов, в чем они были одеты. Я это хорошо помню. Мне было 11,5 лет. Мама и мы дети плакали, кричали. Самой маленькой Альбине был 1 месяц от роду. Мы даже не смогли попрощаться, как следует. Забрали кроме папы дядю Ваню, дядю Юзю, Ивана Верниковского, мужа папиной родной сестры Марии. Сбежались к нам жены всех забранных и всю ночь проплакали. Мужчины ночевали под стражей в комендатуре в деревне Нижней Тавонге, а рано утром повезли их в райцентр Пудино мимо нашего огорода. Мы с мамой стояли в огороде и провожали их издали, махали руками, нам даже не разрешили к ним приблизиться. Остались одни четыре молодые женщины

и 22 ребенка на всех. Из мужчин взрослых остался только дядя Станислав, еще не женатый парень. Он жил с матерью – нашей бабуничкой. Это было такое горе, такое потрясение не только для родственников, но и для всей деревни. Бабуничка потеряла сразу 4 сыновей, она все время молилась и плакала. Умерла она в 1942 году, ослепнув от горя и слез.

Накануне ареста, весной папа посеял много зерновых, посадили родители много овощей и картофеля. Я помню, как папа радовался, когда появились дружные всходы, возил меня в поле показывать. Когда осенью уродился хороший урожай, маме практически одной пришлось его убирать. Я оставалась дома за хозяйку, с детьми. Нужно было всех накормить, присмотреть, встретить скотину с пастбища. Мама возвращалась уже ночью на запряженной в телегу корове, так как лошадь у нас сразу забрали. Бедная мама, когда она только спала? Рано утром нужно было подоить корову, отправить скотину на пастбище, приготовить еду и снова в поле до темноты, и так пока не выпал снег. Я всегда маму встречала ночью, забравшись на деревянную изгородь. А вокруг кромешная темнота, только по скрипу телеги и узнаю, что мама едет. Встречу ее, помогу с коровой прибраться, мама умоется, покушает, расспросит, как день прошел и спать.

Мы с Витей с 1 сентября пошли в школу. Маленьких детей оставляли под присмотром бабунички. Дедушка к тому времени уже умер. Учились мы хорошо, хотя не помню, когда мы учили уроки. Мама и жены дядей ездили в райцентр, где заключенных временно держали в школе и клубе, отвезли кое-что из продуктов и одежду. Встретиться им не разрешили, только видели своих мужчин на расстоянии.

И так наши отцы погибли без вины виноватые. Никаких известий не было, а куда-то написать и спросить боялись. Мы считались семьями врагов народа. Даже ходили слухи, что нас будут выселять куда-то. Поэтому мы понемногу сушили ржаные сухари.

С 1937 до 1956 года мы совершенно ничего не знали о своих отцах. Я, как старшая, пыталась с мамой поговорить об этом, понять, почему так

произошло. Мама и сама уже стала сомневаться: «Может, и правда виноваты были, что-то лишнее сказали, что не понравилось властям, и кто-то донес...» Я не верила, что мой папа такой добрый и хороший, да и дяди тоже, могли сделать что-то плохое. Просила маму написать куда-то, узнать о наших родных, но она боялась за нас, детей.

Из детских воспоминаний помню такой случай. В один из летних вечеров потеряли Толю, он еще в школу не ходил. Плакали и искали весь вечер, бегали на речку. И уже совсем поздно заглянули в сарай, где были куры. И увидели, что он там спит с яйцом в руке. Когда мы с братом Витей ходили в школу, то с маленькими Валею и Алей оставался Толя. Оставляли им на день еду, чаще картофельное пюре или кашу из сеенки (белой муки). Если еда оставалась, то мама ворчала на Толю, почему не скормил девочкам кашу. И чтобы мама его не ругала, он приспособился остатки выкладывать в корыто для поросят. Вскоре это обнаружилось, но как можно было ругать за это 6-ти летнего ребенка. Все перевели в шутку. Толя был очень шустрый, бегал, а не ходил и очень исполнительный. Только мама начинает говорить, что нужно что-то сделать, он уже за порогом избы и кричит: «Что нужно сделать, быстро говорите!» Родителей и взрослых родственников было принято называть на «Вы».

В 1938 г. заболел тяжело брат Витя и умер. А брат Апполинарий (Толя) пошел в первый класс. Иногда в школе нас называли детьми врага народа, но так как мы хорошо учились, то упрекать нас было особо не за что. Да и большинство учителей относились с пониманием к тому, что происходило.

Мне хочется вспомнить моих двоюродных братьев и сестер по именам. В семье старшего брата моего отца Ивана Казимировича и Марии Селеверстовны были дети: Бронислава (она была старшей и не попала в ссылку, потому что была замужем и жила отдельно), Тофима (Тося), Александр, Неля, Валентин, Болислав, Гелярий, Казимир. Из всех них только Валентин имел образование педагога. Во время Великой отечественной войны Валентин и Болислав были призваны в армию. Служили танкистами. С Валентином мы переписывались, он был

примерно 1922-23 г.р. На фронте он был ранен, из госпиталя писал, что его трудно будут узнать, так как лицо было обожжено. После госпиталя снова воевал. Оба они погибли, даже не знаю в каком месте. Тося вышла замуж за русского парня в райцентр Пудино. У них была большая семья. Младший ребенок Кузя умер в молодом возрасте. Тетя Маня переехала в г. Троицк Челябинской области с сыном Гелярием, который окончил строительно-архитектурный техникум и работал старшим прорабом на стройке. Первая его жена умерла, остался сын Владимир. Вторая жена – Холодная Лидия Архиповна была архитектором. Работала в строительном управлении, позже главным архитектором города, первым секретарем Троицкого горкома партии. У Гелярия с Лидией родился сын Виталий, который в дальнейшем закончил мединститут, Владимир окончил ветеринарный институт. Все они переехали в город Челябинск, где Лидия работала начальником Главного управления архитектуры и строительства Челябинской области. Тетя Маня долгое время жила с семьей Гелярия, а потом ее перевезли в Новосибирск к дочери Нелли. Сейчас уже нет в живых тети Мани, Нелли, Гелярия, Лидии Архиповны, ушла из жизни моя младшая сестренка Альбина. Светлая о них память, пусть земля им будет пухом.

У дяди Юзи (Иосифа) было три дочери. Когда его репрессировали в 1937 г вместе с нашим отцом, дочери были несовершеннолетние. Старшая - Виктория ,1927 г.р., Мария – 1931 г.р., Юлия – 1935 г.р. Было всем очень тяжело без мужских рук, хорошо хоть остался дядя Стася, который мог хоть что-то посоветовать. Была еще семья Верниковских, сестры моего отца Марии. Ее муж Иван Антонович по национальности был поляк. Исключительно порядочный человек. У них было пять детей. Анюта 1920 г.р., Антон 1923 г.р., Тося 1925 г.р., Петр 1930 г.р. и еще сын, не помню имя.

Рядом с нами жила семья Скукиных, сестры моего отца Юлии. Ее муж Григорий умер в 34 года, оставил двух сыновей, Гелярия 1926 г.р., и Николая 1930-31 г.р. Оба в будущем стали военными. Николай был

летчиком испытателем и погиб при испытании самолета. С Гелярием я встречалась в 1963 году в г. Перми, когда училась там в фармацевтическом институте. Он был женат, имел двух детей. Жил в г. Березняки Пермской области. В Перми жила дочь дяди Иосифа Мария. Дядя Стася женился уже в 30 лет в 1938 г. на Инне Скукиной, племяннице дяди Григория, мужа тети Юлии. С ними последние годы жизни жила бабуничка. Она умерла, когда я училась в г. Томске, в фармтехникуме.

Разумова Регина во время учебы в Томском фармацевтическом техникуме (слева).

Разумова Наталья Филипповна.

На этом воспоминания моей мамы обрываются.

Дополню, что знаю и помню, к сожалению, при жизни бабушки и мамы не очень интересовалась историей их жизни. За что себя сейчас очень упрекаю. Время, было такое, что о репрессированных родственниках предпочитали не говорить. Во время Великой Отечественной войны мама, будучи студенткой, работала в военном госпитале. Впоследствии ей было присвоено звание «Ветеран Великой Отечественной войны». В 1946 г. мама вышла замуж за Разумова Филиппа Моисеевича. 24 июля 1948 года родила сына Александра. В то время они жили в Северной Осетии, ст. Беслан. Некоторое время они потом жили в г. Миасс Челябинской области, а потом в с. Кундравы Миасского района (сейчас Чебаркульский р-н), где 23 февраля 1954 г. я родилась. Вскоре после моего рождения отец и мать

разошлись, поэтому отца своего я не помню, знаю только, что он был старше мамы на 12 лет, был участником Великой Отечественной войны. В селе Кундравы с нами жила бабушка Линовская Юлия Марцияновна. Мама работала заведующей аптекой. Будучи матерью двоих детей, она закончила вечернюю школу, для получения среднего образования и поступила в Пермский фармацевтический институт, который закончила в 1964 г. В этом большая заслуга и бабушки, которая занималась детьми, когда мама уезжала на сессии. После окончания института маму назначили заведующей Центральной районной базовой аптекой в г. Чебаркуле, куда мы и переехали в 1965 г. Мама всегда была активной, инициативной, пользовалась в городе авторитетом. Имела грамоты и благодарности за работу, была признана лучшим специалистом в области в своей отрасли. Уже, будучи пенсионеркой, она принимала участие в общественной жизни города.

Мама отправляла запросы по поводу судьбы своего отца и получила ответ, что он был расстрелян в 1937 году, а в настоящее время реабилитирован. Об этом имеется документ. Умерла мама 23 октября 2005 года. Похоронена на кладбище в г. Чебаркуле, рядом со своей мамой Линовской Юлией Марцияновной, которая умерла 27 октября 1980 года.

В 2010 г в честь 65-летия Победы в Великой Отечественной войне в г. Челябинске была организована Аллея памяти, где на стендах были помещены фотографии участников и ветеранов войны, там была и фотография мамы.

Гомерук Иван Константинович

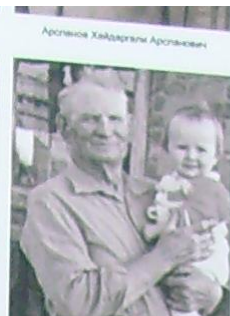
Готозина Александр Фролович

Готозина Леонид Фролович

Арсенасиев Василий Толстович

Арсенов Хайдырлан Арсенович

Арсенова Роза Александровна

Каримов Геннадий Жалтович

Кирева Надкиса Петровна

Ковалево Степан Ефимович

Кобяев Николай Иванович

Козин Андрей Матвеевич

Колесовский Андрей Петрович

Мухомов Михаил Алексеевич

Мухомина Александра Ивановна

Мыльников Павел Евгеньевич

Мысловский Иван Степанович

Невежин Владимир Михайлович

Немчинов Сергей Сергеевич

Прокофьев Михаил Васильевич

Пугов Иван Иванович

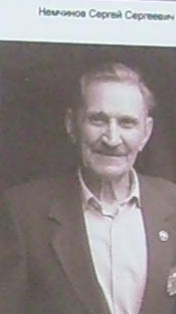
Пшеничников Константин Григорьевич

Разумова Ралена Петровна

Разванугулов Сагалей Сагандович

Романов Виктор Егорович

Спирин Алексей Петрович

Ставничий Михаил Яковлевич

Стружин Григорий Степанович

Стухин Никандр Васильевич

Суоров Яков Дороевич

Суков Леонид Степанович

Тширский Борис Ефимович

Чернов Андрей Николаевич

Чиризов Сейм Арманович

Чирский Петр Александрович

Чузарен Филипп Николаевич

Шайхсалов Киран Шайхсалович

Затем эти фотографии были помещены в книгу Героев, которая располагалась около Вечного Огня.

Специальный металлический каркас книги весит одну тонну, сама книга – около 600 килограммов. 12 июня 2010 г книга была передана губернатору Челябинской области. А 22 июня 2010 г печатное издание передано на хранение в Челябинский областной краеведческий музей.

Из воспоминаний Шалтанис (Колотовой) Валентины Петровны.

Детские воспоминания связаны с деревней Дерешево Парабельского района Томской области. Это было военное время, когда тяжело было всем семьям, а с членами семей «врагов народа» никто не считался. После того как забрали главу семьи, Петра Казимировича, жить пришлось в недостроенном доме, попасть в который можно было, наступив на чурку (отец не успел смастерить крыльцо). Пережить суровые сибирские зимы приходилось практически без крыши. Слой бересты, которым ее пытались застелить, сносило ветром, а летом там росла трава. В этот период в обязанность каждой семьи входила сдача продовольствия от населения с целью помощи фронту. В нашей семье был поросенок и полкоровы (на двоих с соседями). Корм приходилось заготавливать детям, старшему из которых было около 10 лет. В то время старшая сестра уже училась в Томске. Помню, что зимним вечером появились в доме двое здоровых

мужчин и потребовали сдать провизию. А сдавать было нечего. Тогда они вывели маму на улицу, сели на лошадей и босую, подталкивая прикладами, гнали по снегу до сельсовета, который находился на расстоянии километра от дома. Все дети с нетерпением ждали возвращения матери, боялись плакать, так как прислушивались к каждому шороху. Но мамы все не было. И тогда ожидание сменилось чувством страха и отчаяния. Мороз все крепчал, колючий снег застилал глаза, стыла кровь в жилах, замирало сердце от обиды и боли, а впереди не было видно знакомого дома, как не было в душе надежды. Так об этом вспоминала мама. В этот вечер она сбилась с пути: замело дорогу. В какое-то мгновение ей показалось, что становится тепло, спокойно и хочется спать, но она ощутила, что кто-то тянет ее за волосы. «Дети, конечно же, дети!»- с этой мыслью она очнулась в сугробе, на берегу реки. В это время в доме, на окраине села, не спалось Станиславу Шалтанису: мучили тревожные мысли, беспокоили неприятные предчувствия, показалось .что кто-то зовет на помощь. Тогда он разбудил свою жену и рассказал, что слышит призыв о помощи. Она убеждала его, что показалось. Он вышел на крыльцо, и сомнений уже не было, а нужно было спешить на голос, знакомый до боли... Так он спас от смерти вдову своего брата Петра.

Первое время мама с тяжелыми обморожениями ног находилась в доме Станислава. Требовалось серьезное лечение. Тогда я вспомнила, что на черный день было принято в заветном местечке хранить сушеную малину. Этот день настал. Но мешочка с ягодой не было. Нигде. Как же помочь маме? И тогда, протянув детскую ладошку, которая не чувствовала уже холода, я ходила по соседям, просила: «Дайте малинки: мама умирает» Добрые люди помогли, и мама поправилась. А жизнь продолжалась.

Из воспоминаний Шалтанис (Левкиной) Альбины Петровны.

Я помню, что, когда дети начинали разговаривать на литовском языке, в школе их наказывали. Поэтому родного языка я не знаю. В голодные годы спасали грибы и ягоды. Мясо от единственного поросенка сдавали

государству. Были рады оставшимся рожкам да ножкам. От недостатка витаминов тело покрывалось глубокими фурункулами, порой толщиной в палец. Спасение можно было найти только в прохладном погребе. До сих пор отметины на теле напоминают об этом времени.

Из воспоминаний о моей бабушке, Линовской Юлии Марциановне, младшая внучка, Левкина Алена Сергеевна.

В 1971 году в нашу семью приехала бабушка, этого не помню, потому что мое рождение стало причиной ее приезда. Мама работала в школе, поэтому с трехмесячного возраста я была с бабой Юлей. В моем детском воображении сохранился ее образ. Милая светлая улыбка, добрые глаза, волосы, повязанные белым платочком. Она всегда была чем-то занята: хлопотала на кухне, рукодельничала или читала книжки. Были у нас и свои прогулки (на пенечки), которые находились за огородами на окраине маленькой деревушки под веселым названием Хмелевка. Верными нашими спутниками были две собачки: Мухтар и Находка. Помню, что бабушка что-то рассказывала или читала книжки. Конечно, я не вспомню их содержания, но до сих пор знакомо ощущение от того, что бабушка была рядом. Мне так это нравилось. Еще помню гречневую кашу. У бабушки был сахарный диабет, и ей выделяли гречневую крупу, которая в то время была в дефиците. Бабушка варила ее себе и угощала меня. А я гордилась, что каша только для меня и бабушки. А было мне в то время 3 года.

Вскоре бабушка уехала к маминой старшей сестре, маму перевели в другую школу, кто-то отравил Мухтара и Находку, мы переехали в другую деревню, меня отправили в детский сад, в котором я так и не «прижилась». Но я частенько просила маму почитать книжки.

Мне было 5 лет, когда я в последний раз видела бабушку. Мы с мамой поехали, а точнее, полетели на самолете в Челябинск. Помню, как в группе встречающих какой-то мужчина приветливо махал нам рукой. Мама сказала, что это дядя Толя (Апполинарий Шалтанис). Вскоре я

познакомилась и с тетей Ритой(Региной) ,со своими двоюродными сестрами и братьями. Повстречалась с бабушкой, которая была сдержанной и немногословной. Когда я училась во втором классе, мама сообщил о том, что заболела бабушка, быстро собралась и уехала. Через недели две вернулась, уставшая и какая-то другая, протянула мне вязаные варежки с красными тюльпанчиками, заплакала и сказала, что нет больше нашей бабы Юли.

Я помню, что в детстве мне интересно было узнать, где же мой дед по линии отца. Ответ мамы: «Повзрослеешь – расскажу» еще больше разжигал интерес. Помню, что мама не любила все, что связано с именем Сталина. Почему-то в школе меня называли латышкой. А на «Фестиваль дружбы народов» мне сшили клетчатое платье на литовский манер. К сожалению, на мой вопрос мама не ответила, так как 14 августа 1992 года умерла.

В конце жизни мама рассказала о том, что бабушка перед смертью просила у нее прощения. Тогда, в далеком 1937 году, бабушка обращалась с просьбой к Богу, о том, чтобы прибрал новорожденную дочку, оставшуюся без отца. Такова была сила отчаяния!

На сельском кладбище в селе Елгай Кожевниковского района Томской области есть скромная могила, где похоронена Левкина (Шалтанис) Альбина Петровна, заслуженный Учитель РФ. Односельчане помнят своего Учителя. Многие ученики продолжили ее дело.